

зывает эволюцию поселений и жилищ. Подробно описаны типы поселений и традиционных жилищ, а также наиболее характерные постройки, сохранившиеся в наши дни. Приведены подробные сведения о материале и технике строительства, особенностях внутренней планировки, способах украшения жилищ и т. д. Важно, что книга дает представление о жилище различных групп коми. Предложенная классификация основных типов традиционного жилища, распространенного ныне в Коми АССР, представляется нам убедительной.

Большой интерес вызывает у читателя и раздел о религиозных верованиях и обрядах, связанных с жилищем. Работа хорошо иллюстрирована и написана так, что каждому прочитавшему (она обращена прежде всего к массовому читателю) понятна ее главная мысль: многовековым опытом народных умельцев создано народное зодчество коми; его надо беречь, изучать и использовать в современном строительстве.

Можно выразить сожаление лишь по поводу того, что автор книги исследовал только традиционное жилище, а не проанализировав всего многообразия жилых и хозяйственных построек, бытующих в настоящее время в Коми АССР. Это ограничение продиктовано основной поставленной задачей — «на примерах отдельных построек показать богатства народной архитектуры, через описание наиболее типичных памятников раскрыть перед читателем своеобразие местного зодчества...» (стр. 3). Будем надеяться, что за этой безусловно, интересной и нужной книгой последует другая — о современных сельских постройках в Коми АССР.

Г. П. Белорукова, В. В. Пименов

В. Н. Морохин. Хрестоматия по истории русской фольклористики. М., 1973, 316 стр.

Преподаватели высшей школы, читающие курс «Русское народное творчество», по опыту своей работы хорошо знают, с каким трудом усваивают студенты историографию фольклористики. Методологически необходимый как для понимания всей сложности и всего многообразия народного искусства, так и для правильной оценки того нового, что вносит марксистско-ленинский подход к его изучению, этот раздел требует обращения к очень большому количеству первоисточников. Кроме того, историография фольклористики невозможна без анализа общественных и литературных движений XVIII—XIX вв.

Поэтому необходимо создание специальных учебных пособий, облегчающих труд преподавателя и студента по этой части курса.

Как и все пособия для высшей школы, хрестоматия по истории фольклористики должна обновляться за счет новых фактов и новых концепций, но при отборе нового материала и в системе его расположения, конечно, нельзя не учитывать всего того, что уже проверено практикой и временем.

В этом плане нельзя признать удачной попытку составителя нового учебного пособия по истории русской науки о фольклоре В. Н. Морохина решительно пересмотреть обычный для подобных хрестоматий состав и характер источников.

Хотя в предисловии составитель уверяет, что «хрестоматия строится применительно к вузовской программе и содержит материалы, дающие представление об основных периодах развития отечественной фольклористики» (стр. 3), это заявление не подтверждается содержанием самого пособия, в котором отсутствуют работы крупнейших русских ученых дореволюционного времени. Какое же представление об «основных периодах развития отечественной науки» может дать хрестоматия, в которую не вошли основные работы Ф. И. Буслаева, Л. Н. Майкова, В. Ф. Миллера, А. Н. Веселовского, Н. Е. Ончукова?

Правда, в том же предисловии составитель стремится объяснить этот бросающийся в глаза пробел. Небольшие «отрывки из их работ», — пишет В. Н. Морохин об ученых XIX—начала XX в., — не могут дать студентам правильного представления о мировоззрении и довольно сложных фольклористических взглядах таких ученых» (стр. 5). Но разве отрывки из статей В. Г. Белинского о народной поэзии, из «Разрушения личности» А. М. Горького или абзац о домарксовской фольклористике из биографии М. К. Азадовского, помещенные в хрестоматию, менее сложны и могут дать полное представление о мировоззрении их авторов? Разве параллельно с хрестоматией студент не должен пользоваться учебником, где взгляды деятелей русской академической науки анализируются во всей их сложности и вместе с тем объективно показывается историческое значение их наследия?

Еще большее недоумение вызывает ссылка составителя на то, что раскрытие идейных позиций и научных теорий представителей различных «школ» старой науки должно даваться «в специальных разделах учебного пособия по истории русской фольклористики» (стр. 5). Значит ли это, что к предлагаемому пособию должно быть добавлено еще одно? Почему такие разделы нельзя было выделить в данной хрестоматии, как это всегда делалось до сих пор? Следующее затем указание на ограниченность объема — чистая формальность. Объем любого учебника определяется прежде всего его содержанием и соответствием программе. Кроме того, в хрестоматию

В. Н. Морохина вошло довольно много материала, не имеющего прямого отношения к истории русской фольклористики либо дублирующего учебные пособия по другим курсам, где он был бы более уместен.

Так, отрывки из «Описания земли Камчатки» С. Н. Крашенинникова при всей их этнографической ценности посвящены не русскому фольклору, а фольклору аборигенов Камчатки. Примеры из цикла рассказов «Пословицы российские» Н. И. Новикова характеризуют скорее литературное творчество их автора, чем его взгляды на фольклор. В предисловии Н. П. Огарева к сборнику «Русская потаенная литература» речь идет не о самом фольклоре, а об отношении к нему Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, т. е. о проблеме фольклоризма писателей начала XIX в. Статьи В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова о роли народного стиха в реформе стихосложения обязательно изучаются в курсе «Введение в литературоведение» и позднее к ним снова возвращаются при изучении русской литературы XVIII в.

Наконец, в целом ряде случаев студентов следует ориентировать не на чтение отрывков из наиболее замечательных работ деятелей передовой русской науки, а на собрания сочинений. «Древние российские стихотворения» В. Г. Белинского, рецензию Н. Г. Чернышевского на «Песни разных народов» в переводе Н. Берга, отзыв Н. А. Добролюбова о собрании сказок А. Афанасьева, статью А. М. Горького «О сказках» можно и нужно прочитать полностью, тем более что собрания сочинений этих авторов доступны учащимся в любом городе, в любой библиотеке. Попутно нельзя не заметить, что работы ученых-фольклористов дореволюционной эпохи давно стали библиографической редкостью и познакомить с ними студентов без хрестоматии чрезвычайно трудно.

Таким образом, отсутствие в хрестоматии материалов по целой теме программы не объясняется сколько-нибудь убедительными соображениями и приводит к явно одностороннему освещению процесса развития русской научной мысли в области фольклора в XIX в. Становится непонятным полемический тон выступлений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. М. Горького, потому что они изолированы от научных течений своего времени, не сопоставлены с сильными и не противопоставлены слабым сторонам академической фольклористики.

Этот пробел тем более досаден, что в остальных ее разделах составитель привлек много важных документов, ранее не входивших в учебные пособия. В разделе «Классики марксизма-ленинизма о народе и его творчестве», например, приводится отрывок из сделанного К. Марксом конспекта известной книги Костомарова «Бунт Стеньки Разина». В разделе «Фольклор в оценках деятелей русской науки, литературы и критики XVIII и первой половины XIX века» впервые широко представлены высказывания декабристов.

Хорошо представлена в хрестоматии и советская наука. Составителем правильно отобраны работы лишь наиболее выдающихся ученых, посвятивших всю свою жизнь народному творчеству, создавших целые научные школы в современной фольклористике. Скупые примечания заменены более подробными справками биобиблиографического характера, помогающими оценить их наследие. Однако в этих заметках недостаточно подчеркнута индивидуальность каждого ученого, особенность и неповторимость личного вклада в науку каждого из них.

Ведь М. К. Азадовский не просто изучал русскую сказку и ее исполнителей, а рассмотрел на этом материале вопрос о личности сказителя и проблеме сочетания в фольклоре власти традиции с элементами личного творчества. А. М. Астахова в своих трудах особенно полно и ярко показала бытование русского эпоса на последнем этапе его многовековой истории. Заслуга Н. П. Андреева прежде всего в том, что он выдвинул задачу создания истории русского фольклора.

Недостаточное внимание составителя к этому аспекту деятельности представителей советской науки проявилось и в том, что отбор фрагментов из их трудов далеко не всегда удачен. Так, бессвязными отрывками представлена, например, замечательная книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос», к которой опять-таки следует отсылать студентов непосредственно, а если уж включать их в хрестоматию, то надо одновременно дать анализ целостного эпического сюжета.

Одновременно с введением новых и, безусловно, полных источников из хрестоматии (очевидно, не случайно, а по каким-то соображениям составителя) исчезли не только работы русских ученых XIX в., но и некоторые другие материалы. Никак нельзя примириться с тем, что здесь отсутствуют воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о его беседах с В. И. Лениным по поводу просмотренных Владимиром Ильичем сборников песен, причитаний, сказок. Источник этот, абсолютно достоверный, дает самую развернутую из всех известных нам ленинскую характеристику фольклора, а критика Лениным методологической ограниченности прежних собирателей и исследователей помогла наметить пути развития советской науки вплоть до наших дней.

Нет нужды доказывать, что каждая ленинская оценка фольклора в целом или отдельных его жанров и произведений, пусть даже сделанная в устной форме, если она сохранилась в достоверной передаче, должна найти свое место в курсе. В этот раздел хрестоматии следовало включить отрывки из воспоминаний Н. К. Крупской, С. М. Буденного, Демьяна Бедного.

Принятые составителем критерии отбора источников привели к тому, что в книге широко представлены взгляды и оценка русских писателей, интересовавшихся фольк-

лором и в той или иной мере занимавшихся им. Процесс же обособления и развития науки о фольклоре в собственном смысле слова как самостоятельной отрасли знания отражен односторонне и неполно. При использовании новой хрестоматии в педагогической практике неизбежно возникнут серьезные затруднения. Между хрестоматией и любым принятым в нашей высшей школе учебником получится заметное расхождение: значительная часть историографической главы учебника не найдет для себя опоры в хрестоматии. Следовательно, свою основную задачу — помочь лектору и студенту в работе над одним из сложнейших разделов курса «Русское народное творчество» — хрестоматия В. Н. Морохина разрешить не может.

Э. С. Литвин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Gy. Ortutay. Hungarian folklore. Essays. Budapest, 1972, 430 p.

В 1972 г. на английском языке вышел сборник статей известного венгерского этнографа и фольклориста Дьюла Ортутай. Издание это осуществлено Венгерской Академией наук. Сборник, выход которого приурочен к шестидесятилетию юбилею автора, состоит из трех частей: в первую вошли общетеоретические статьи, во вторую — статьи о венгерских сказках и сказочниках, в третью — очерки, посвященные венгерским этнографам и фольклористам.

Д. Ортутай — принадлежит к числу ученых, которые гармонически сочетают разностороннюю научную и научно-организационную работу с политической деятельностью: профессор университета, академик, руководитель научных коллективов, он вместе с тем видный общественный деятель. Поэтому не случайно его книга открывается статьей «Наука и политика». В ней автор говорит о том, как исследования законов бытования фольклора способствовали пониманию жизни самого народа и пробудили у него интерес к социальным и политическим проблемам, как изучение фольклора еще в годы реакции сблизило его с самыми прогрессивными людьми Венгрии. Синтез научных и политических устремлений получил яркое воплощение в фольклористических трудах Д. Ортутай: все работы ученого, опубликованные в первой части книги, в большей или меньшей степени связаны с проблемами изучения фольклора, как явления, обусловленного социальными и политическими причинами. В статье «Изучение народной жизни в Венгрии» (стр. 15—63), написанной еще в 1937 г., Д. Ортутай подчеркивает важность для этнографов и фольклористов комплексного исследования крестьянства, необходимость отмечать все изменения в социальной жизни венгерской деревни, пристально изучать влияние городской культуры. При изучении структуры крестьянской культуры и ее социальных форм необходимо исследовать общественный строй, мировоззрение крестьян, их отношение к религии — только в таком контексте становятся понятными произведения фольклора и их эволюция. Мысли этой статьи актуальны и в наши дни: они сродни современным исследованиям ученых социалистических стран, посвященным социологическому изучению духовной культуры народа. Этот социологический аспект изучения не ослабевает и в более поздних работах самого Ортутай: здесь мы прежде всего имеем в виду опубликованные в книге статьи «Роль сельских школ в венгерской крестьянской культуре» (стр. 64—75) и «Современная внутренняя миграция в Венгрии и этнографические исследования» (стр. 109—131), теоретические положения которых применимы к изучению процессов, ныне происходящих в фольклоре и быту разных народов.

Весьма актуальным для современной науки о фольклоре является обширное исследование Ортутай «Принципы устной передачи в народной культуре» (стр. 132—173). Это исследование, ранее публиковавшееся на английском языке в журнале «Acta Ethnographica» (1959 г.), получило широкий отклик в современной науке. К нему постоянно обращаются в работах, посвященных законам бытования фольклора. Исследование это оказало заметное влияние на изучение кардинальных проблем фольклористики. В этой работе особенно ярко проявляется свойственная Д. Ортутай широта охвата явлений, разносторонность их изучения и его огромная эрудиция. Рассматривая проблему взаимоотношений литературы и фольклора, устанавливая — что общего между этими двумя областями творчества и чем они отличаются одна от другой, в чем выражается их взаимовлияние, он делает вывод о необходимости развития отрасли филологии, способной изучать специфическое художественное явление — фольклор. Здесь же автор рассматривает самые существенные законы, определяющие специфику фольклора, — диалектические связи между вариативностью и устойчивостью фольклорных произведений. Детально изучает он корреляцию между противоположными тенденциями: стремлением воспроизвести в вариантах уже существующее поэтическое произведение и созданием впечатления полной его новизны. В связи с этим анализируется отношение индивида к воспроизводимым произведениям коллективного творчества. В статье показана взаимосвязь тенденций к улучшению и к разрушению произведений. Автор, глубоко понимающий всю сложность диалектических процессов, происходящих в фольклоре, страстно полемизирует со сторонниками однобокого